Как опасно предаваться честолюбивым снам

Автор:
Федор Достоевский

Как опасно предаваться честолюбивым снам

Федор Михайлович Достоевский

Николай Алексеевич Некрасов

Дмитрий Васильевич Григорович

«Месяц бледный сквозь щели глядит Не притворенных плотно ставней… Петр Иваныч свирепо храпит Подле верной супруги своей. На его оглушительный храп Женин нос деликатно свистит. Снится ей черномазый арап, И она от испуга кричит…»

Д. В. Григорович, Ф. М. Достоевский, Н. А. Некрасов

Как опасно предаваться честолюбивым снам

«Лет за пятьсот и поболе случилось…»

Жуковский («Ундина»)

I

Месяц бледный сквозь щели глядит

Не притворенных плотно ставней…

Петр Иваныч свирепо храпит

Подле верной супруги своей.

На его оглушительный храп

Женин нос деликатно свистит.

Снится ей черномазый арап,

И она от испуга кричит.

Но, не слыша, блаженствует муж,

И улыбкой сияет чело:

Он помещиком тысячи душ

В необъятное въехал село.

Шапки снявши, народ перед ним

Словно в бурю валы на реке…

И подходит один за другим

К благосклонной боярской руке.

Произносит он краткую речь,

За добро обещает добром,

А виновных грозит пересечь

И уходит в хрустальный свой дом.

Там шинель на бобровом меху

Он небрежно скидает с плеча…

«Заварить на шампанском уху

И зажарить в сметане леща!

Да живей!.. Я шутить не люблю!»

(И ногою значительно топ).

.....

.....

Всех величьем своим устрашив,

На минуту вздремнуть захотел

И у зеркала (был он плешив)

Снял парик и… как смерть побледнел!

Где была лунолицая плешь,

Там густые побеги волос,

Взгляд убийственно нежен и свеж

И короче значительно нос…

Постоял, постоял – и бежать

Прочь от зеркала, с бледным лицом…

Вот, зажмурясь, подкрался опять…

Посмотрел… и запел петухом!

Ухвативши себя за бока,

Чуть касаясь ногами земли,

Принялся отдирать трепака…

«Ай люли! ай люли! ай люли!

Ну, узнай-ка теперича нас!

Каково? Каково? Каково?»

.....

.....

И, грозя проходившей чрез двор

Чернобровке, лукаво мигнул

И подумал: «У! тонкий ты вор,

Петр Иваныч! Куда ты метнул!..»

Растворилася дверь, и вошла

Чернобровка, свежа и плотна,

И на стол накрывать начала,

Безотчетного страха полна…

Вот уж подан и лакомый лещ,

Но не ест он, не ест, трепеща…

Лещ, конечно, прекрасная вещь,

Но есть вещи и лучше леща…

«Как зовут тебя, милая?… ась?»

– «Палагеей». – Зачем же, мой свет,

Босиком ты шатаешься в грязь?»

– «Башмаков у меня, сударь, нет». –

«Завтра ж будут тебе башмаки…

Сядь… поешь-ка со мною леща…

Дай-ка муху сгоню со щеки!..

Как рука у тебя горяча!.

Вот на днях я поеду в Москву

И гостинец тебе дорогой

Привезу…»

II

Между тем наяву

Всё обычною шло чередой…

Но события таковы, что их решительно не видится необходимости воспевать стихами. В то время как в спальне не слышалось ничего, кроме носового деликатного свиста и не менее гармонического храпа, на кухне заметно уже было движение: кухарка, она же и горничная супруги Петра Иваныча, проснулась, накинула на себя какую-то красноватую кофту и, удостоверившись через дверную скважину, что господа еще спят, поспешно вышла, затворив за собою дверь задвижкою. Всегда ли она так делала или только на сей раз позабыла прицепить к задвижке замок, – неизвестно. Мрак неизвестности покрывает также причину и цель ее отлучки; известно только, что направилась она в который-то из верхних этажей того же дома. С достоверностию можно еще предположить, что отлучилась она искать соответствующей ее званию и наклонностям компании, потому что хотя был еще весьма ранний час утра, но по всей лестнице уже шныряли взад и вперед кухарки, лакеи и горничные, кто с кувшином воды, кто с коробкой угольев, и на всех этажах слышались громкие голоса, веселый визгливый смех и шарканье сапожных щеток. Черная лестница играет важную роль в жизни петербургского дворового человека: на ней проводит он лучшие часы жизни своей, – часы, в которые пугливый слух его не напрягается беспрестанно: не звонит ли барин? а мысль, что барин может появиться нечаянно и схватить его за вихор прежде, чем успеет он подавить веселую улыбку и придать физиономии своей угрюмо-почтительное выражение, так далека, что он даже забывает, что у него есть барин. Здесь обсуживаются добродетели и недостатки господ; рассуждается о том, что такое барыня, и вольно льется песня про барыню, про которую так любит петь русский человек и про которую знает столько прекрасных песен; производится вслух чтение газетных объявлений. Объявления: «Нужен человек, для комнат, красивой наружности, высокого роста и с хорошим аттестатом», и тому подобные особенно интересуют слушателей и бывают поводом жарких продолжительных прений, иногда не лишенных интереса и для тех, кто не ищет места в лакеи. Наконец, любезность дворового человека, столь ему свойственная, разыгрывается здесь во всем просторе своем.

Но будет об лестницах. Не прошло пяти минут по уходе кухарки, как дверь тихонько скрыпнула и в кухню осторожными шагами вошел человек несколько измятой, но благонамеренной наружности, вроде тех благородно-бедных существ, которые если и просят милостыню, то не иначе, как по документу, напоминающему красноречием своим лучшие страницы тех произведений, которых расходилось по обширному нашему государству по сороку изданий:

«Преданный вам всеми силами души, благоговеющее перед вами человеческое существо, которое в настоящее время от невыносимых страданий, от смерти политики,[1 - …от смерти политики. – Слово «политика» употреблено здесь в старинном значении: вежливое, учтивое обращение.] похоронив себя заживо, без средства удержать за собою былое доброе имя и даже самое право на звание человека… Пав ниц, молит кровавою слезою из гроба отчаяния помочь плачь-доле горького бедовика…»

Несомненные признаки их – семь человек детей (непременно семь, ни больше ни меньше), мать на одре страдания, язык, несколько запинающийся при извещении, что третьи сутки (тоже ни больше ни меньше) не было уже маковой росинки во рту, и других уверениях, и чувство собственного достоинства, стоящее тридцать пять копеек, потому что они непременно обидятся подачей меньше гривенника, на что, впрочем, благородство происхождения дает им полное право. Они очень хорошо знают дорогу к кабаку и могут сказать о себе, что в кабаках их знают

Впрочем, знают они много и других дорог. Если вздумается, входят в квартиру, и колокольчик у вашей двери, приведенный в движение их рукою, издает какой-то особенный, робкий и молящий, звук, как будто у него тоже семь человек детей и мать на одре страдания. Входят, иногда и не позвонив, а просто потрогав сначала ручку не запертой на замок двери, – и тогда входят с особенною осторожностию, и, если не встретят никого в первой комнате, на цыпочках пробираются во вторую, там в третью, – и вздрагивает и бледнеет какой-нибудь задумавшийся или заработавшийся господин, у которого человек ушел в лавочку купить четверку табаку, увидев перед собою как будто с неба упавшую, незнакомую и странную фигуру… Но особенно любят они навещать наезжающих в столицу художников, фокусников, всяких артистов и артисток – московских и заграничных, к которым являются обыкновенно с такими письмами:

«Милостивейший государь!

Есть несчастный сирота, обремененный малолетним многочисленным семейством, участь которого заслуживает сострадание всякого, имеющего душу, способную понимать бедствия ближнего. На расцвете лет он потерял добрую, кроткую мать и вслед за тем чадолюбивого отца – оставившего на его попечение семерых малюток. Перенося все страдания с христианским терпением, возвышающим душевное достоинство, он снискивает пропитание как помощью

благотворительных лиц, так и самою работою, которая едва дает возможность поддерживать вверенное ему судьбою семейство. Несчастный этот – податель сего письма. Я же, не имея чести знать вас лично и потому лишаясь права удостоверять преждевременно в истине моего к вам уважения, надеюсь, что вы, как артист, понимающий душу угнетенных судьбою людей, не рассердитесь на меня за то, что я решился доставить вам торжество истинно христианское (крупными буквами): помочь несчастному! Десять, пять или даже рубль серебром пожертвовать семерым для вас ничего не составит, сирот же заставит пролить слезы благодарности как пред образом Христа-спасителя, так и перед общим покровом всех – пресвятой богородицей.

Я был постоянным свидетелем вашего торжества и, соглашаясь с единодушным отголоском просвещенной публики, повторяю еще раз (крупнейшими буквами): вы великий артист! О, признаюсь откровенно, душевно благодарил публику за прием, коим она почтила неожиданного дорогого гостя…

Христианское сострадание – не есть ли удел артистов? Помогите несчастному, и новый, спасительный подвиг увековечит ваше пребывание в Петербурге.

С душевным почтением и таковою же преданностию имею честь быть свидетелем вашего торжества» и пр.

Кто им пишет такие письма – бог знает. Но под ними обыкновенно читаешь подпись: генерал такой-то или генеральша такая-то, – каких, разумеется, сроду никто не слыхивал и каких не увидит и во сне даже благонамеренный человек, весь вечер, накануне Нового года, продумавший, как бы кого не забыть завтра поздравить?

Такой-то человек появился в кухне. Впрочем, может статься, что он был и не совсем такой человек, о каких мы говорили, а просто такой, каких в Москве называют «ширяло», а в Петербурге «мазурик», то есть малый, с детских лет пристрастившийся к легкому промыслу и голодающий по трое суток, чтоб пополам со страхом и трепетом пропить в каком-нибудь «Полуденном» украденную вещь на четвертые; а может быть, он был просто забулдыга-лакей, два дня пропадавший от барина и чувствующий необходимость пред возвращением к нему хватить для куражу и не имеющий на что хватить, – кто бы он ни был, мы просто будем называть его таинственным незнакомцем.

Итак, по мере того как таинственный незнакомец обозревал кухню и укреплялся в уверенности, что в ней никого нет, лицо его теряло неопределенный оттенок, движения становились резче и самоувереннее… Он смело подошел к двери, ведущей в спальню, и, приложив ухо к скважине, долго и чутко прислушивался; затем он снял с себя рыжие, подбитые вершковыми гвоздями сапоги и поотворил несколько дверь, причем она предательски скрыпнула, что заставило его отшатнуться назад и простоять с минуту в неподвижном оцепенении. Но удостоверившись, что всё спало по-прежнему, он смело нагнулся вперед и, просунув голову в отверстие между дверными сторонками, начал обозревать спальню. Нужно полагать, что ему представилось здесь много привлекающих любопытство предметов, потому что, уже не колеблясь долее, он решительно двинул вперед правую сторонку дверей, переждал, пока скрып, произведенный этим движением, совершенно замолк – и смело вошел в спальню. Здесь он сел на покойные и мягкие кресла, потянулся и начал переодеваться… переодеваться из своего, как легко догадаться, не совсем покойного и красивого платья в платье Петра Ивановича. Нельзя не заметить, что переодевался он с достоинством и спокойствием человека, одевающегося в собственное платье и только несколько поспешающего, из опасения опоздать на службу. Петр Иванович обладал значительной полнотою, какой в известные лета достигает всякий благомыслящий человек: таинственный же незнакомец был очень тощ, – почему, поправив чуб перед зеркалом, он захватил кстати со стола два подсвечника из накладного серебра, которые для лучшего сбережения счел нужным завернуть в платье Федосьи Карповны, после чего так их спрятал, что тотчас же стал походить на Петра Ивановича, ибо очутился с преизрядным солидным брюшком. На возвратном пути от кровати, с поручня которой сдернуто было платье, незнакомец захватил карманные часы (Петр Иванович был человек аккуратный и, опасаясь опоздать на службу, клал обыкновенно подле себя часы) с позолоченной цепочкой, надел их на себя и поспешил к другому зеркалу, где, полюбовавшись на себя, опять мимоходом захватил два подсвечника. Запрятав их в карманы, он начал шарить по всем углам и прибирать с неимоверною быстротою все мелкие вещицы, какие попадались под руку…

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

…от смерти политики. – Слово «политика» употреблено здесь в старинном значении: вежливое, учтивое обращение.

Купить: https://tellnovel.com/fedor-dostoevskiy/kak-opasno-predavat-sya-chestolyubivym-snam

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити